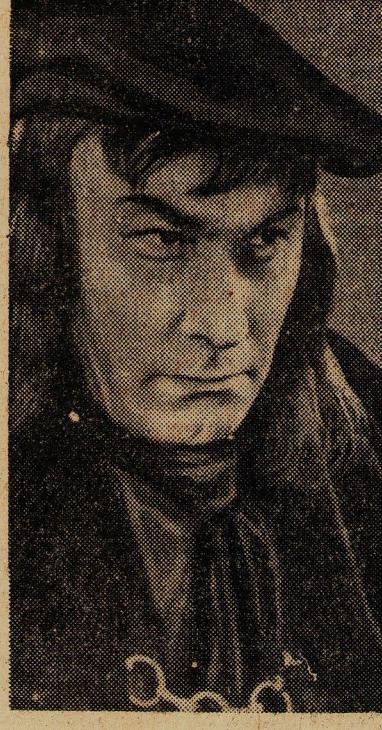

5

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

АКТЕРСКИЕ УДАЧИ

ЕГО ОТКРЫТИЕ ТРАГЕДИИ...

В. САМОЙЛОВ — Король Ричард III.

С ПЕСТАКЛЬ начинается с паузы. ...На зеленой лужайке — Ричард, герцог Глостер. Он глядит на солнце. Перебирая пальцами, играет солнечными зайчиками и... молчит. Молчит минуту, другую, третью. И это сосредоточенное молчание завораживает. Есть что-то неудержимо притягательное в нет-красивом лице этого горбатого, кривоплечего, хромого человека, в его глазах — насмешливых и сверлящих, в его губах — тонких, язвительных, на которых блуждает кривая, недобрая улыбка. О чём он думает так напряженно? Мы ждем.

Актер Горьковского театра драмы В. Самойлов как бы подчеркивает, что в его Ричарде нет ничего демонического, никакого «прирожденного злодейства». Решение «стать злодеем» — результат конкретных жизненных обстоятельств. Ричард — Самойлов умен, энергичен, отважен, он не находит себе применения под сенью «тищедушного мира». «Что делать мне?» — спрашивает он. И властолюбие, возвращенное смутными, кровавым временем, подсказывает ответ: добыть трон. Цель для него, третьего сына короля, почти недостижимая, но оттого еще более желанная.

Решение принято. Герцог Глостер начинает игру, где ставка — жизнь, а выигрыш — власть.

...Стража ведет в тюрьму Кларенса — брата Ричарда. Мы только что слышали, Кларенс будет первым из тех, кого погубит Ричард. Но как неподдельно удивлен Ричард — Самойлов! Как мастерски он «скорбит», вздрагивая от еле сдерживаемых мускульных рывков! Он даже на мгновение «срывается»: рискуя навлечь на себя немилость, во всеуслышание поносит королеву. Ричард говорит правду! Это очень ловкий ход — и правда в его устах превращается в орудие злодеяний.

А встреча с леди Анной!

Ричард — Самойлов спокоен и покорен судьбе. Он такой превосходный лицедей, что может позво- лить себе лишь намекнуть леди Ан-

не на бурю страстей, бушующую в его груди, оставаясь при этом сдержаным и почтительным. Он настолько точно изображает человека, который действительно любит и ради любви готов на убийство («Все это ради вас!» — твердит Ричард), что леди Анна не может устоять перед написком его доводов, перед бурлящим темпераментом его мысли. Она верит, и вера губит ее, лада невольной сообщницей убийцы.

Но сколь ни блестательно его притворство, не это главный козырь. Ричард — Самойлов — тонкий знаток человеческих душ. Тут-то и заключена идея, которую воплощают в спектакле и артист, и режиссер Е. Табачников. Будь Ричард хоть «сверхчеловеком», говорят они, не смог бы он один осуществить свои страшные замыслы. Ричарда делает королем молчаливое попустительство окружающих.

...Вот неожиданно Ричард бросает лорду Хестингсу упрек в измене, кричит, кривляется, сразу не понять даже, всерьез ли это... А что скажут друзья Хестингса? Ричард выживает. В случае чего, все можно обернуть шуткой. Но друзья молчат. Друзья предают Хестингса. И тогда Ричард наносит удар: «Казнить! Снять голову!». Однако за толстыми стенами замка — горожане, народ. Для них надо подыскать какое-то законное обоснование этой внезапной казни. Нервозный жест, которым тянет Ричард вдоль лица прядь длинных, жидких волос, выдает его растерянность. «Только спасая родину и жизнь свою, на быструю расправу мы решились». Получается это не очень убедительно. Однако представитель горожан — лорд-мэр — спешит поверить: бог с ним, с Хестингсом, были бы мы цели... И невдомек лордам, что, раз допустив беззаконие, они обрекли и себя.

...Одинокий, озлобленный, сидит на троне Ричард — Самойлов. Позади кровавый, устланный трупами, путь. Окружающие с ужасомглядят на короля, а он сам боится их всех. Его преступления развязали им руки, разбудили в них все темное. Что же дальше? Ричарду остается одно — продолжать убивать...

Однако нет уже у него былой энергии, нет жуткой веселости. Еще

только раз блеснет жалкое подобие

деятельности и борьбы. Это когда

попробует он уломать Елизавету от-

дать за него дочь, сестру убитых

им принцев. Еще одну победу одержит Ричард, но не принесет она

успения, как бывало прежде.

И трон свой он уже не в силах

удерживать дольше. Он собирает войско, отдаст распоряжения, но буд-

ет делать это механически, без вдохновения, без азарта. И даже

знаменитое «Коня, коня, престол

мой за коня!» прозвучит скорее

как отголосок ночных кошмаров,

чем как обещание боя и победы...

Так погружает зрителей в водоворот жизни и преступлений Ричарда

исполнитель этой роли В. Самойлов

в спектакле Горьковского театра

драмы «Ричард III». Театр и актер

показывают зрителям подлинную

трагедию — трагедию саморазру-

шения большой, яркой личности.

Шекспировская пьеса звучит в пол-

ную шекспировскую силу.

Л. КАФАНОВА.

266